

22132063

RUSSIAN A: LANGUAGE AND LITERATURE – STANDARD LEVEL – PAPER 1
RUSSE A : LANGUE ET LITTÉRATURE – NIVEAU MOYEN – ÉPREUVE 1
RUSO A: LENGUA Y LITERATURA – NIVEL MEDIO – PRUEBA 1

Wednesday 8 May 2013 (morning)
Mercredi 8 mai 2013 (matin)
Miércoles 8 de mayo de 2013 (mañana)

1 hour 30 minutes / 1 heure 30 minutes / 1 hora 30 minutos

INSTRUCTIONS TO CANDIDATES

- Do not open this examination paper until instructed to do so.
- Write an analysis on one text only.
- It is not compulsory for you to respond directly to the guiding questions provided. However, you may use them if you wish.
- The maximum mark for this examination paper is *[20 marks]*.

INSTRUCTIONS DESTINÉES AUX CANDIDATS

- N'ouvrez pas cette épreuve avant d'y être autorisé(e).
- Rédigez une analyse d'un seul texte.
- Vous n'êtes pas obligé(e) de répondre directement aux questions d'orientation fournies. Vous pouvez toutefois les utiliser si vous le souhaitez.
- Le nombre maximum de points pour cette épreuve d'examen est *[20 points]*.

INSTRUCCIONES PARA LOS ALUMNOS

- No abra esta prueba hasta que se lo autoricen.
- Escriba un análisis de un solo texto.
- No es obligatorio responder directamente a las preguntas de orientación que se incluyen, pero puede utilizarlas si lo desea.
- La puntuación máxima para esta prueba de examen es *[20 puntos]*.

Сделайте письменный анализ **одного** из предложенных текстов. Прокомментируйте особенности контекста, аудиторию, которой он адресован, поставленные автором цели, а также художественные приемы и стилистические особенности текста.

Текст 1

Когда вы будете читать этот текст, его героя, т.е. магазина русской книги в Париже, возможно, уже не будет. В парижский магазин «Либрери дю Глоб» вот-вот придет повестка по делу о банкротстве. [...] Светлана Пикёно одета во все черное, у нее скорбное лицо и готовые заплакать глаза. Еще бы, ведь уже много месяцев она буквально стоит у постели умирающего – работает на кассе магазина русской книги. [...] Светлана не просто держит тяжелобольного за руку, она еще и вынуждена отвечать на телефонные звонки и объяснять, что магазин больше не заказывает книги и вообще распродает имущество с 50-процентной скидкой в преддверии собственной кончины. [...] Она должна твердо, без просительных ноток, произносить довольно унижительный текст: «Нет, у нас нет средств покупать старые книги. Но можем принять их в дар. А потом – да, будем их продавать».

[...] Это заведение – символ исчезающего русского Парижа, метафизические границы которого еще несколько лет назад можно было довольно четко обозначить. Того Парижа, который ел круассаны, а думал о кренделе с маком [...]. Того Парижа, который большую часть времени говорил по-французски, но упорно считал русский родным.

[...] В этом году «Либрери дю Глоб» исполняется – или, правильнее сказать, исполнилось бы – 60 лет. [...] В 1980-е годы туда с презентациями книг наведывались Эдуард Успенский, беседовал с читателями Владимир Познер-старший, раздавал автографы Юрий Куклачев, который не только дрессировал кошек, но и писал добрые истории. Переехав на Бомарше, магазин принимал в разгар славы многих современных русских писателей – от Людмилы Улицкой до Захара Прилепина, от Александры Марининой до Андрея Битова.

Сегодня «Либрери дю Глоб» в качестве книжного магазина оказался не у дел: люди читают тексты в электронном виде – не на что ставить автографы. [...] Франсуа, один из хозяев магазина, боролся за свое детище – сообщал о тяжелой ситуации в русское посольство, приглашал постоянных покупателей делать пожертвования, писал письма в фонды и ассоциации поддержки культуры. От французских инстанций получал вежливые, обтекаемые отказы. От русских получал отказы прямые и сухие, а часто вообще ничего – отечественные чиновники не любят упражняться в изящной словесности. Жизнь магазина и всех связанных с ним людей перешла в сослагательное наклонение, в статус «ваше прошение рассматривается». [...] После этого было официально объявлено о скором закрытии магазина.

Дарья Князева, Отрывок из журнальной статьи *Прощание славянки**, www.geo.ru (2012)

* Прощание славянки: русский марш, написанный в 1912–1913 годах, символизирующий проводы на войну или в дальнее путешествие

– Как и каким образом столкновение различных культурных традиций повлияло на закрытие магазина?

– Прокомментируйте использование таких художественных приемов, как олицетворение и метафора.

Текст 2

Одно из привычных наших чувств — зависть. Очень нехорошее это чувство. Мелкое, негодное чувство, недостойное человека со сколько-нибудь развитым самолюбием. Оно предполагает большую слабость: завидуем другому, у кого есть то, чего у нас нет и чего мы не надеемся получить. Бессильны получить. Потому и завидуем. И напрасно подчас
5 завидуем. По пословице: «В чужих руках ломоть больше кажется». А поглядишь, и ломоть вовсе не так уж велик, да и нам никто не мешает обзавестись таким же, а то и побольше.

[...] Завидно. Да кто же мешает нам самим завести всё такое и даже лучшее. Чиновник, что ли? Да чиновник-то откуда же взялся? Не уроженцами же луны комплектуются кадры нашего многочисленного чиновничества. Чиновник — плоть от плоти и кость от кости
10 нашей. Да ведь и завидует-то кто? Чиновник же. Так как вне чиновничества у нас мало кто остается в интеллигентном, рассуждающем, сравнивающем, а потому и завидующем обществе. Но, как бы то ни было, зависть глубоко въелась в нас. До того глубоко, что мы завидуем не только соседям, но даже и своим, например детям нашим. Всё боимся, что они разовьются свободно и будут не такими, как мы. Сохрани Бог, ещё умнее нас вырастут. Не захотят жить
15 по нашим шаблонам, свои порядки заведут. Потому так и беспокоимся о том, как бы получше воспитать наших детей. Потому так и много попечения и оберегания на каждом шагу.

Зависть — плод слабости и несвободы. Сильные и свободные не завидуют. И потому, если мы хотим вести существование, достойное сильного европейского народа, то нам надо перестать завидовать. Надо понять, что мы сильны. Сильнее всякого чиновника.
20 Силен тот, кто хочет быть сильным. И кто имеет силу и сознает её, тот легко скуёт своё счастье. А завидовать не надо никому, — уже потому, что зависть — один из худших грехов и ведёт к греху ещё противнейшему — к унынию. Уже и вопят малодушные, что мы на краю гибели, что придут чужие и разделят нашу землю между собою, а мы будем уничтожены и поруганы. Страшен сон, да милостив Бог. Унылые вопли, так же как и преждевременные
25 дифирамбы, недостойны серьёзного и уважающего себя общества. Надо продолжать начатую общественную работу без уныния, но и без похвальбы. Собственно говоря, все эти речи на тему о том, что мы слабы или что мы сильны, что мы погибаем или что мы должны в самом непродолжительном времени покорить весь свет, — совершенно праздное и пустое дело. Будет удача и гений — будут и приращения нашей обширной территории. Дело не
30 в том, жить или умереть, — всё дело в том, чтобы и жить, и умереть достойно великого и славного народа. «Любви горячей, самоотверженья*» — вот чего надо. Широкого сердца, а не широких границ. Есть ли это? Если это есть, то всё есть.

Федор Сологуб, Отрывок из очерка *Зависть*, Биржевая газета (1904)

* Любви горячей, самоотверженья: строка из трагедии А С Пушкина *Моцарт и Сальери*

– Как вы думаете, какую оценку автор дает такому чувству, как зависть?

– С какой целью автор использует риторические вопросы?